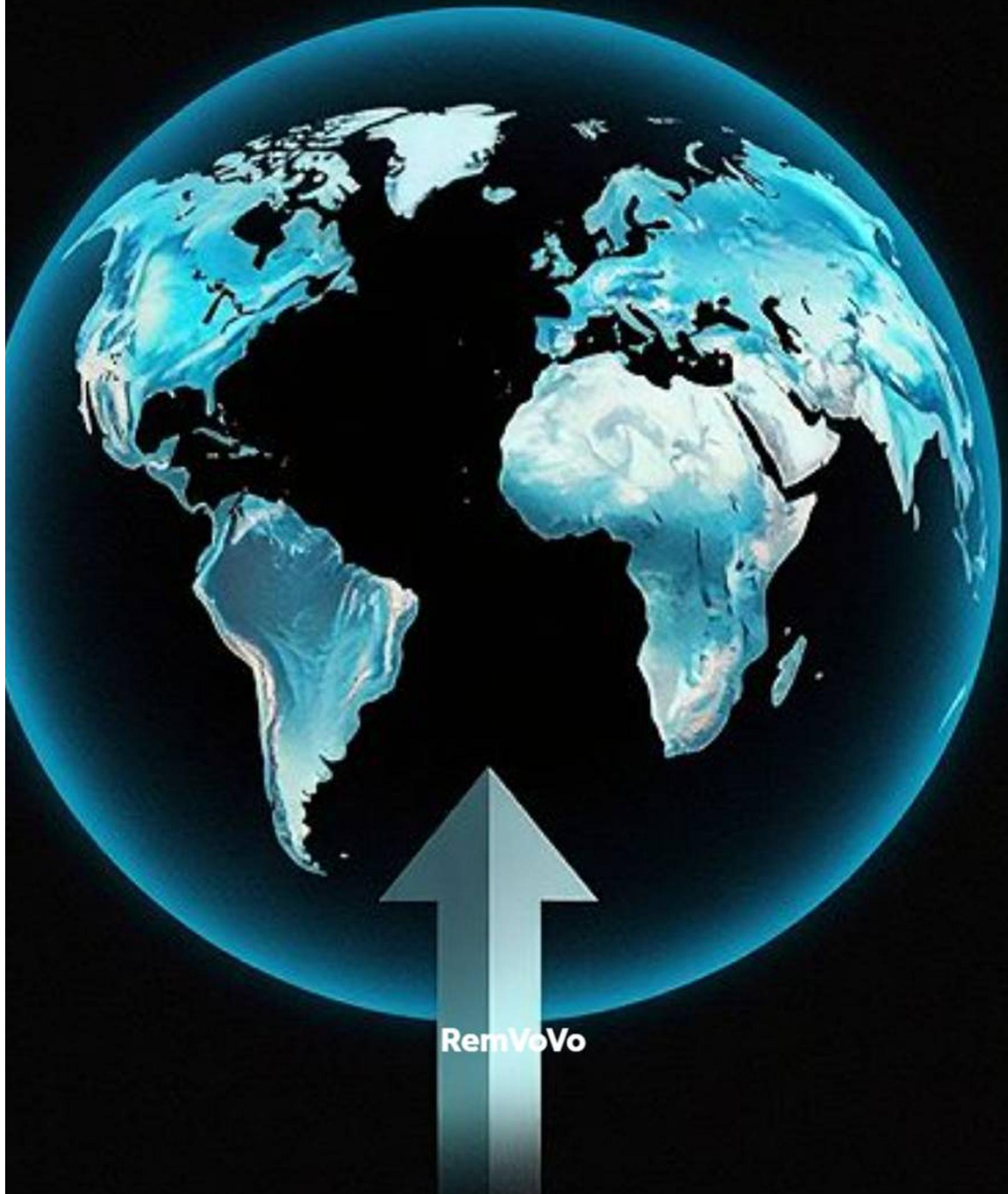

Три выплаты в день

RemVoVo

RemVoVo

Три выплаты в день

«Автор»

2026

RemVoVo

Три выплаты в день / RemVoVo — «Автор», 2026

Что, если мир перестанет платить человеку за присутствие — и начнёт платить за само его существование? Эта книга — тихий протест против экономики страха, в которой человек соглашается на унижения, лишь бы не умереть с голоду. Три выплаты в день — база, доля и своё — не дают богатства. Они забирают страх. Человек, который не боится завтрашнего дня, впервые может выбирать. Он перестаёт быть рабом желудка и становится хозяином жизни. Книга о том, как это устроено — и как это построить.

© RemVoVo, 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Три выплаты в день	5
Глава 2. Экономика одного оклада	8
Глава 3. Деньги есть, но не там	11
Глава 4. Роботы съедают работу — но не потребление	14
Конец ознакомительного фрагмента.	16

RemVoVo

Три выплаты в день

Глава 1. Три выплаты в день

Есть числа, которые меняют человека, не спрашивая разрешения. Сидишь над обычной зарплатной сводкой — а внутри уже всё перекроено. Я говорю не о сумме. Я говорю о ритме.

Один оклад в месяц. Двенадцать раз в год. Человек двадцатого века жил этим ритмом так же естественно, как дышал: месяц — стон ожидания, день зарплаты — выдох, потом снова месяц. Между двумя выдохами умещалась вся его экономическая жизнь: кредит, аренда, продукты, отложенное «когда-нибудь потом». Целый мир был построен вокруг одного числа, которое приходит двенадцать раз в год.

Эта книга — о мире, где число приходит три раза в день.

От потока к крану

Оклад — не естественное состояние человека, а недавняя и грубая конструкция. Крестьянин не получал оклад. Он жил потоком: урожай по сезонам, яйцо по утрам, молоко по вечерам, ярмарка по праздникам. Доход был рваным, но живым — он приходил из многих источников и в разное время.

Фабрика свернула этот поток в одну трубу. Индустриальная революция потребовала человека, который приходит на место и стоит на нём восемь часов, — поэтому придумала зарплату: удобный способ платить за присутствие. Бухгалтерия не могла переводить деньги крестьянину сорок раз в день за каждое действие, поэтому платила раз в месяц. Оклад — не изобретение экономики, а изобретение её ограничений. Мир платил редко не потому, что так лучше, а потому, что так дешевле считать.

Всё столетие мы называли эту трубу «стабильностью». Пора называть вещи именами: оклад — это кран, который можно закрутить. Одно место работы — одна точка отказа. Заболел — потерял. Уволили — потерял. Завод закрылся — потерял всё, потому что всё было привязано к одной трубе. Человек с одним окладом не свободен даже тогда, когда ему кажется, что он свободен: его жизнь синхронизирована с чужим решением платить.

Двадцать первый век возвращает то, что забрала индустриальная эпоха, — на другом технологическом основании. Платёжные системы считают мгновенно. Автоматизация делает производство дешёвым. Сети соединяют любого с любым. Мир снова может платить часто и из многих мест — и начинает это делать. Три выплаты в день — не метафора. Это следующая ступень той же лестницы, на которой когда-то стояли натуральный обмен, жалование и оклад.

Арифметика ритма

Считать надо не количество, а ритм.

Человек получает тридцать тысяч в месяц одним переводом. Это его доход и его ловушка: между выплатами — пустота, в которой живут тревога, микрокредиты и отложенные решения. Редкая крупная сумма провоцирует крупные траты и создаёт иллюзию достатка на первой неделе и нищету на третьей.

Тот же человек получает тридцать тысяч, разбитые на девяносто выплат — по три в день. Сумма не изменилась. Изменилось всё остальное.

Исчезает голод между выплатами — физиологический, не образный. Каждое утро экономика подтверждает: ты сегодня в деле, ты сегодня учтён. Человек перестаёт жить от получки до получки, потому что получка больше не событие, а фон.

Меняется поведение с деньгами. Редкие крупные суммы уходят на крупные траты; частые мелкие — на частые мелкие решения, а значит, на живой контроль. Человек, получающий

доход тонкой струёй, сберегает лучше человека с тем же доходом одной пачкой. Не потому что умнее — потому что струя не даёт иллюзий.

Меняется риск. Оклад — ставка на одну лошадь. Три выплаты в день — минимум три источника: базовая выплата, дивиденд с общего достояния, доход от своего дела. Если один замолкает, жизнь не останавливается — она становится тише. Это и есть устойчивость, которую экономика искала двести лет и находила только в страховых полисах.

И самое важное: ритм выплат меняет единицу, в которой человек думает о жизни. Оклад заставляет считать месяцами и годами: «через десять лет ипотека закроется». Три выплаты в день заставляют считать днями: «сегодня я произвёл три ценности, и мир их заметил». Экономика из ожидания превращается в экономику действия. Это не мелочь. Это смена жанра.

Девять тысяч как стартовая площадка

Девять тысяч в месяц. Для человека индустриальной эпохи это звучит как приговор: потолок, нижняя планка, жизнь на минималках. В логике оклада девять тысяч — то, от чего надо сбегать.

Смените логику. Девять тысяч в месяц — это триста в день, три выплаты по сто. Не потолок, а первый этаж, с которого лестница ведёт вверх. Человек с одним окладом может только потерять свой оклад. Человек с тремя дневными выплатами каждый день тремя способами подтверждает, что система работает, — и каждый день может добавить четвёртый источник.

Именно так растёт доход нового типа: не скачком повышения в должности раз в три года, после собеседования с чужой властью над тобой, — а приращением источников, по одному за раз. Один кран, второй, третий. Экономика оклада учит спрашивать «сколько мне платят». Экономика потоков учит спрашивать «сколько у меня течёт» — и разница между этими вопросами равна разнице между наймом и владением.

Слово «старт» здесь точнее слова «минимум». Девять тысяч — минимальная конструкция, в которой видны все элементы будущего: одна часть приходит безусловно, как доля в общем достоянии; одна — как результат твоего действия; одна — как участие в общей системе. Дальше каждый элемент растёт отдельно — и растёт не потому, что начальник снизошёл, а потому что роботы печатают больше, файлы продаются лучше, а общий пул достояния прирастает автоматически.

Где физика этого мира

Скептик спросит: откуда физически возьмутся три выплаты в день, если прежний мир с трудом выдавал одну в месяц? Ответ — в двух машинах, которым посвящены главы 4 и 5, но обозначить их надо сразу.

Первая машина — робот. Она снимает с человека обязанность производить руками и заодно снимает главную причину редких выплат: платить часто было дорого, потому что платили за присутствие. Когда присутствие перестаёт быть товаром, деньги перестают нуждаться в редкости.

Вторая машина — 3D-принтер. Она снимает зависимость от чужой фабрики: вещь рождается там, где нужна, из файла, которым владеешь. Себестоимость падает до стоимости пластика и электричества — и маленький производитель впервые в истории конкурирует с большим не масштабом, а близостью.

Эти две машины делают малое производство массовым, а массовое — локальным. Они же делают микродоход честным: не подработкой, не халтурой, а нормальной единицей экономики.

И третья составляющая — не машина, а решение. Деньги, которые в мире есть, можно направить не только на проценты кредиторам и прибыль акционерам, но и в базовый поток каждому. Это не благотворительность. Это признание простого факта: в мире, где машины делают всё больше работы, доля человека в доходах мира должна измеряться не только его трудом.

Человек, живущий тремя числами

Утро. Первая выплата — базовая, безусловная, одна и та же у всех: договор солидарности, а не награда за что-либо. Она не делает человека богатым, она делает его невозможным для голода. С этого числа начинается экономика города: девяносто таких выплат в месяц умножить на шестьдесят тысяч жителей — это бюджет, на котором стоит локальное производство.

День. Вторая выплата — за своё. Напечатанный держатель для станка, отремонтированный дрон, модель, которую скачали сорок раз. Малые суммы, но их много, и каждая — прямая запись: сегодня ты сделал вещь, и мир это учёл. Здесь нет начальника, который решает, сколько ты стоишь. Есть цена, которую назначил рынок из твоих соседей.

Вечер. Третья выплата — дивиденд. Доля в общем достоянии: в данных, в автоматизированном производстве, в инфраструктуре, которая принадлежит всем и потому платит всем. Элементы этого уже работают в мире по кускам — сырьевые ренты аляскинского типа, кооперативные фонды, городские акции участия. В этой книге они собраны в одну конструкцию.

Три числа. Утро, день, вечер. Человек такого мира не ждёт пятницы и не боится понедельника, потому что ни то ни другое не определяет его доход. Он не прикован к одному работодателю. Он живёт в городе, который сам себя кормит, и в мире, который сам себя считает.

И главное — он не один. Каждый из шестидесяти тысяч его соседей живёт теми же тремя числами. Смысл конструкции не в сумме, а в том, что сумма одинакова по праву, а не по милости.

Что дальше

Эта глава — договор с читателем. Глава вторая покажет, как экономика одного оклада строилась и почему она трещит не от идей, а от арифметики. Третья — найдёт деньги, которые «кончились», и покажет, что они сменили адрес. Четвёртая и пятая — рассмотрят вблизи те самые две машины. Шестая — разберёт, что происходит с ценой труда. Седьмая — что мир уже знает о базовом доходе. Восьмая — соберёт конструкцию. Девятая — решит вопрос о собственности на машины. Десятая — покажет цену перехода. Одиннадцатая — даст деньги единого мира. Двенадцатая — соберёт всё в один живой мир.

Но всё, что дальше, держится на одной мысли. Не про девять тысяч и не про роботов. Про ритм.

Человек — это не количество денег, которое ему выдали. Человек — это частота, с которой мир подтверждает его существование. Двести лет мир подтверждал его двенадцать раз в год. Дальше он будет подтверждать три раза в день.

Три выплаты в день. Запомните это число — это не сумма, это устройство мира.

Глава 2. Экономика одного оклада

У любой машины есть дата выпуска и паспорт. У оклада паспорт тоже есть, просто его никто не показывал. Эта глава — вскрытие: как была собрана система, которая платила человеку двенадцать раз в год, почему она работала двести лет и почему сейчас её скрепы расходятся швами. Пока вы не поймёте механику старого мира, новый не поймёте.

Рождение оклада

Оклад родился не в банке и не в министерстве, а у станка.

До фабрики человек жил трудом, разбитым на куски: посев, урожай, ремесленный заказ, торговый день. Деньги приходили событиями, а не датами. Такой мир не умел планировать — и потому не строил ничего длиннее сезона.

Фабрика требовала невозможного для крестьянина: приходиться к одной двери в одно время и делать одну операцию восемь часов, пять дней в неделю, пятьдесят недель в году. Никакая воля не могла удержать человека на таком режиме долго. Его могла удержать только регулярная плата. Так родился оклад: не как гуманистическое достижение, а как деталь машинного поведения. Фабричный станок работал в постоянном режиме — и человек рядом с ним должен был получать в постоянном режиме. Оклад — плата за синхронизацию человеческой жизни с ритмом машины.

Заметьте, что зафиксировано в самой конструкции. Оклад платится не за результат — за присутствие. Фабрике не важно, что вы сделали за смену, ей важно, что вы были на смене: станок работал, конвейер шёл. Экономика оклада — это экономика учёта присутствия. От этого корня растёт всё, что мы сегодня называем работой, — от графика до отпуска, от должности до пенсии.

Дальше конструкция обросла тремя пристройками. Пенсия — обещание, что после сорока лет у станка система продолжит платить. Кредит — способ купить жильё и вещи, которых оклад в наличии не покрывает, залогом послужит сам оклад, его регулярность. Социальное государство — образование и медицина, встроенные в ту же бухгалтерию, чтобы человек восстанавливался как рабочая сила и приходил на смену снова.

Так собралась «нормальная жизнь»: школа — завод — ипотека — пенсия. Заметьте: нигде в этой цепи нет пункта «владеть». Человек индустриальной эпохи всю жизнь нанимался — к фабрике, к банку, к государству. Владельцем оставался кто-то другой. Это не заговор — это прямое следствие конструкции: система, которая платит за присутствие, не может позволить присутствующему владеть станком, иначе присутствие перестанет быть дефицитом.

Почему это работало

Справедливости ради: конструкция была гениальной. Двести лет она кормила миллиарды, построила города, подняла продолжительность жизни с тридцати пяти лет до семидесяти с лишним. Нельзя писать о старом мире с высоты, если понимаешь, на чём он стоял.

Оклад работал потому, что сходились четыре условия, и каждое было несущей балкой.

Первое: человек был дешевле машины. Любую операцию, которую мог выполнить человек, имело смысл доверить человеку — машина стоила дороже и не умела гибкости. Спрос на присутствие был бесконечен: фабрикам нужны были руки, руки нужны были окладу, оклад нужен был государству в виде налогов.

Второе: производительность росла вместе с зарплатой. Двадцатый век в развитых странах прошёл под негласным договором: станки умнеют — рабочие богатеют. Человек верил, что его дети будут жить лучше его, и эта вера была рациональной, потому что данные её подтверждали.

Третье: редкость выплат имела смысл. Бухгалтерия без компьютеров физически не могла считать миллиарды микроплатежей. Один оклад в месяц — оптимальный компромисс между

технологией учёта и жизнью человека. Система платила редко не из жадности, а из ограниченности своих рук.

Четвёртое: жизнь была длинной и предсказуемой. Человек выходил на работу в двадцать и знал, что в шестьдесят получит пенсию от того же предприятия. Контракт длиной в сорок лет не нуждался в частых пересмотрах.

Четыре балки. Пока все четыре стояли, конструкция стояла. Проблема не в том, что здание было плохим. Проблема в том, что три из четырёх балок уже не стоят.

Где лопнули балки

Человек дешевле машины — это кончилось. Давно и необратимо. Робот, который в 1980-м стоил как десятилетняя зарплата рабочего, сегодня стоит как полгода его оклада. Складская логистика, сборка электроники, сварка, упаковка — операции, где ещё в 2000-м стояли люди, сейчас выполняют машины. В арифметике оплаты труда человек проиграл не вдруг — он проиграл по линии тренда, которая не меняла направления сорок лет.

Рост зарплат за производительностью — треснула в середине 1970-х и с тех пор расходится. Страны мира произвели за последние полвека больше богатства, чем за всю предыдущую историю, — но доля труда в этом богатстве падает, а доля капитала растёт. Если оклад платят за присутствие, а присутствие заменяется машинами, доход труда статистически обязан сжиматься. Не потому что кто-то жадничает — потому что замещаемый сам себя обесценивает.

Редкость выплат как норма — снята технологией. Электронные платежи считают транзакции за доли секунды и копейки за штуку. Мир уже платит миллиардами микроплатежей каждый день — просто не людям, а за такси, за подписки, за клики. Технология часто платить существует. Держит её от человеческих карманов только инерция конструкции, родившейся до этой технологии.

Длинный предсказуемый контракт — рассыпался на наших глазах. Пенсионные системы рассчитывались по формуле: сколько работающих на скольких пенсионеров. Формула сходилась при четырёх к одному, кое-как держалась при трёх к одному. Современные демографические траектории ведут к двум к одному. Ни одна пенсионная система мира, построенная на окладной модели, не сходится на этих числах арифметически. Либо работающие платят вдвое больше, либо пенсионеры получают вдвое меньше, либо конструкция меняется. Мир уже выбирает между первыми двумя — через повышение возраста, заморозку накоплений, инфляцию, которая съедает сбережения тихо, без новостей.

И наконец — долги. Окладная жизнь немыслима без кредита: покупая жильё в рассрочку на тридцать лет, человек авансом отдаёт системе половину будущих окладов. Мировой долг вырос до величин, которые измеряются не деньгами, а процентами годового производства всего человечества. Будущие выплаты — те самые оклады — заранее расписаны кредиторам. Человек с окладом живёт не в своей экономике — он живёт в чужой, в которой уже занял у собственного будущего.

Система, которая глохнет

Есть признак, по которому узнают умирающие конструкции: они перестают реагировать на то, что происходит вокруг. Экономика оклада прошла эту точку.

Производительность выросла в разы — а средний оклад в реальном выражении почти не сдвинулся за полвека. Машины взяли на себя физический труд — а система образования по-прежнему готовит людей к присутствию. Труд замещается — а социальные налоги собираются с оклада, то есть с сужающейся базы.

И главное: система не может заплатить человеку иначе, чем окладом. Она умеет платить фирмам, подрядчикам, акционерам, фондам — тысячами способов. Человеку — только за присутствие. Попробуйте сегодня получить от государства выплату за то, что вы напечатали деталь соседу, — не зарегистрировавшись как «самозанятый», не открыв «ИП», не войдя в чужую бухгалтерию. Мир умеет платить компаниям мгновенно и людьми — только по оклад-

ной схеме, с пирамидой посредников. Это не техническая отсталость — это остаточная архитектура: система, построенная вокруг присутствия, не умеет признать человека источником стоимости без посредника.

И потому она не видит главного. В мире, где производство богатеет от автоматизации, а оклады стоят, спрос слабеет: людям, у которых нет оклада или оклад мал, не на что покупать то, что машины произвели. Экономика оклада ловит себя в петлю: машины производят всё больше — покупатели могут всё меньше. Кризис 2008 года был в первом приближении именно этим: система, в которой люди не могли оплатить то, на что взяли долги. Следующий будет глубже, потому что доля оклада в мировых доходах стала ещё меньше.

Что старый мир оставил новому

Он завещал три вещи, и все три надо понимать.

Масштаб. Инфраструктура — энергетика, транспорт, связь, платёжные сети — построена и оплачена. Новая экономика не начинается с нуля: она надстраивается над тем, что уже стоит.

Ожидание. Двести лет люди жили в ритме оклада, и этот ритм въелся в культуру, в психологию, в само представление о нормальной жизни. Человек, у которого три выплаты в день, столкнётся не с сопротивлением технологии — с сопротивлением привычки. Старший в любой семье будет говорить «найди нормальную работу», и это не глупость — это инерция системы, которая двести лет кормила их род.

И самое важное — вопрос, на который старый мир сам ответить не мог. Если производительность выросла в разы, а доля труда падает — где сидит прибавка и кому она принадлежит? В окладной конструкции ответа нет: прибавка уходит в прибыль владельцев капитала, потому что капитал — единственная сторона, которая не замещается машинами, а усиливается ими. Мир оклада решил эту проблему по-своему: тем, что человек и был капиталом — его навык, его присутствие, его время. Когда человек перестал быть дефицитом, конструкция повисла в воздухе. Вопрос «кому принадлежит добавленная стоимость машин» — не экономический вопрос, это вопрос конструкции.

Зачем это знать вам

Будущее строится на месте трупов — и на тех же фундаментах. Три выплаты в день — не отмена всего, что построил окладной мир. Это перестройка: сохранить несущие, убрать то, что держалось на дефиците человеческого присутствия.

Там, где окладная система платила за присутствие, новая платит за поток: базовая выплата — за принадлежность к системе, дивиденд — за владение общим достоянием, микро-доход — за то, что ты произвёл сегодня. Там, где оклад был одной трубой, новая экономика — сеть кранов. Там, где старая строилась на том, что человек дешёв, новая строится на том, что машины дешёвы, а человек ценен именно тем, чем не может быть машина: выбором, вкусом, отношением к соседям.

И новая экономика не требует разрушать ничего из того, что держит людей. Пенсия может остаться — но не как единственная опора, а как один из потоков. Кредит может остаться — но не как способ выжить между выплатами, а как инструмент для тех, кто строит своё дело. Оклад может остаться — как одна из трёх ежедневных выплат, для тех, кто его выбирает, а не для тех, кто без него пропадает.

Двести лет мир платил человеку двенадцать раз в год, потому что так было дешёво считать. Теперь считать дешёво всё — и мир платит три раза в день не потому, что стал добрее. Потому что стал точнее.

Глава 3. Деньги есть, но не там

Если спросить прохожего, почему в мире бедность, он ответит: «Денег нет». Эта фраза — самое устойчивое заблуждение современной цивилизации.

Денег нет у соседа, нет в семейном бюджете, нет в стране, переживающей кризис, — и из личного опыта мозг выводит общее правило: денег в мире мало. Они есть. Их невиданно много, больше, чем когда-либо в истории. Просто они лежат не там, куда смотрит прохожий, и текут не по тем трубам, по которым он ждёт.

Сколько всего денег в мире

Совокупное частное богатство мира — дома, акции, депозиты, земля минус долги — перешагнуло четверть квадриллиона долларов. Для сравнения: это в два с лишним раза больше годового производства всего человечества. Денег в мире больше, чем экономика производит за два года.

При этом мировой долг — государств, корпораций, домохозяйств — достиг рекордных 348 триллионов долларов. Заметьте симметрию: у человечества 226 триллионов активов и 348 триллионов обязательств. Это не парадокс, это определение: каждый долг — чей-то актив. Ваша ипотека — актив банка. Государственный облигационный долг — актив фонда. Мировая долговая пирамида — вторая сторона баланса.

И вот первый сюрприз: денег не мало. Их настолько много, что можно было бы накормить всех, вылечить всех, выучить всех и выплатить каждому базовый доход, не потратив и десятой части того, что мир перекладывает между счетами каждый день. Вопрос никогда не стоял «где взять деньги». Вопрос стоял один: почему деньги текут туда, куда текут.

Первый адрес: доход капитала вместо дохода труда

Любое производство создаёт добавленную стоимость, и она делится между трудом (зарплаты) и капиталом (прибыль, проценты, рента). Это не идеология, это бухгалтерия: каждый рубль добавленной стоимости достаётся либо труду, либо капиталу.

Долгие десятилетия после Второй мировой доля труда держалась стабильно — Кейнс называл эту стабильность «одним из самых удивительных фактов экономической статистики». Но с 1980-х доля труда начала опускаться. По данным Международной организации труда, доля труда в мировом ВВП снизилась с 53% в 2014 году до 52,4% в 2024-м, а одно из базовых исследований фиксирует падение с 57% в 1975-м до 52% в 2013-м.

Полпроцента кажется мелочью, пока не переведёшь в деньги: падение доли труда на 1,6 процентного пункта означает, что работники мира недополучили порядка 2,4 триллиона долларов, причём 40% этого падения пришлось на последние годы. Два с половиной триллиона — годовой бюджет всего среднего образования планеты, умноженный на несколько.

Почему доля труда падает, хотя труд никуда не девается? Труд замещается. Машины делают то же самое дешевле, и каждая замещённая единица труда передаёт свою долю стоимости капиталу. Но к автоматизации добавляется вторая сила: капитал стал мобильнее труда. Человек привязан к стране, языку, квартире, визе, семье. Капитал — нет: деньги перемещаются между странами за клик, прибыль записывается там, где ниже налог. Труд торгуется с капиталом из-за стола, за которым капитал может встать и уйти, а труд — не может. Это не равные переговоры.

Второй адрес: офшор

По расчётам Tax Justice Network, в офшорных юрисдикциях находится от 21 до 32 триллионов долларов. Это больше, чем годовой ВВП США и Японии вместе взятых. Более десяти процентов мирового богатства лежит в зоне, где налоговая система стран, породивших это богатство, до него физически не дотягивается.

Почти половина этих денег — около 10 триллионов — принадлежит не миллиардам людей, а девяносто двум тысячам человек. Девяносто две тысячи — меньше населения одного российского города размером с Набережные Челны. И эти девяносто две тысячи владеют суммой, равной годовой экономике США.

Ежегодно мир недополучает в бюджет сотни миллиардов долларов налогов из-за офшорных схем — оценки говорят о полутриллионе в год. Полутриллион — больше, чем стоит программа всеобщего базового дохода в большинстве развивающихся стран вместе взятых. Деньги не кончились. Часть из них перестала быть частью национальных экономик: они стали гражданами нигде.

Третий адрес: эмиссия

Есть ещё один адрес, о котором повседневная речь почти не говорит, хотя он самый масштабный. Это деньги, которые создаются из ничего — эмиссией центральных банков.

С 2008 года и особенно после 2020-го мир живёт в режиме «нетрадиционной монетарной политики». Перевод на человеческий: центральные банки печатают триллионы новых денег и вводят их в экономику не через зарплаты, не через выплаты гражданам, а через финансовые рынки — выкупая облигации, кредитуя банки, поддерживая фондовые индексы. Триллионы вливаются в экономику мира — но вливаются сверху, в ту точку, где стоят уже владеющие активами.

Последствия читаются в статистике. Фондовые рынки выросли на порядки, цены активов — в разы. Зарплаты выросли на проценты. Деньги, созданные из ничего, достались тем, кто уже держал активы, — потому что система может доставить деньги только через финансовые каналы, а финансовые каналы заканчиваются там, где уже есть капитал. Человек без активов получил от эмиссии не доход, а инфляцию — рост цен на квартиру, на аренду, на всё, что он покупает. Система напечатала триллионы и доставила их не туда: не вниз, где живёт труд, а вверх, где стоит капитал.

Сложите три адреса — долю капитала, растущую за счёт труда, офшорную зону, в которой богатство уходит из налогооблагаемого мира, и эмиссию, которая течёт к владельцам активов, — и вы получите карту реального распределения денег мира. Она не похожа на карту, которую рисует школьный учебник.

Почему система не может иначе

Здесь лёгкий путь — обвинить жадных. Жадные есть, но жадность — не причина, а фон. Причина в конструкции: система не умеет доставлять деньги иначе.

У мировой экономики есть ограниченный набор каналов, по которым деньги могут дойти до человека: зарплата, пенсия, дивиденды, проценты, социальные выплаты. Четыре из пяти требуют, чтобы у тебя уже было что-то: работа, стаж, акции, капитал. Пятый — социальные выплаты — работает от налогов, которые собираются с окладов, то есть с сужающейся базы.

Труб, по которым деньги текут к человеку просто потому, что он человек — без предварительного условия, — в нынешней конструкции почти нет. Есть точечные попытки (пособия, льготы, субсидии) — но все они требуют проверить: заслужил? нуждается? отработал? И вся эта проверочная бухгалтерия съедает столько, что универсальная выплата каждому оказалась бы дешевле, чем содержание аппарата, который решает, кому дать, а кому отказать. Мир платит за существование фильтров больше, чем стоила бы их отмена, — но не может от них отказаться, потому что фильтры и есть конструкция, которая решает, куда течёт денежный поток.

Вот главный вывод главы. Денег в мире столько, что хватит на всё. Труб, по которым они должны течь к каждому, в системе не построено. И потому деньги циркулируют в замкнутом контуре: капитал → активы → дивиденд → больше капитала → больше активов. Круговорот, из которого наружу просачивается только зарплата — и с каждым годом всё тоньше струя.

Кому это выгодно

Выигрывают владельцы активов — все, у кого есть акции, недвижимость, доли, права на файлы и данные. Это не только узкий слой супербогачей. Это и человек, купивший квартиру тридцать лет назад и живущий с аренды. Это и вкладчик, у которого на депозите лежит часть пенсии. Круг владельцев шире, чем принято думать, — но он замкнут условием «уже имею», и вход в него для тех, кто «ещё не имеет», сужается: цены активов растут быстрее зарплат.

Но по-настоящему важен другой вопрос: не «кто виноват», а «как исправить конструкцию». У этой конструкции нет злого умысла, у неё есть физика. Она построена так, что деньги автоматически стекаются к владельцам средств производства — так было всегда. Проблема в том, что раньше средства производства были у многих: у миллионов крестьян, ремесленников, мелких собственников. А теперь средства производства — роботы, алгоритмы, файлы, дата-центры — сосредоточены в руках тысяч корпораций и десятков тысяч сверхбогатых людей. Та же физика, что кормила миллионы собственников, теперь кормит десятки тысяч. И если эта физика не изменится, исход известен: мир, в котором 92 тысячи человек владеют триллионами, а два с половиной миллиарда живут на несколько долларов в день, — не временное искажение, а устойчивое состояние системы.

Что с этим делать

У этой главы нет готового ответа — он будет позже, в главах 7–9, и будет сконструирован по-настоящему: не «перераспределите богатство», не «обложите богатых», а «постройте новую трубу». Трубу, по которой доля каждого человека в общем достоянии мира течёт к нему не по милости работодателя, не по решению ведомства, а по праву — как членство в человечестве.

Но чтобы построить эту трубу, нужно сначала понять, что её можно построить — что она технически осуществима, что денег на неё есть, что мешает только конструкция, а не физика мира. Если деньги существуют в избытке, а люди голодают, — это не «так устроен мир». Это устроено так. И устроить можно иначе.

Прежде чем говорить о том, как именно, надо встретиться с силой, которая делает старую конструкцию необратимо устаревшей. Это роботы — и им посвящена следующая глава.

Глава 4. Роботы съедают работу — но не потребление

В 2012 году Amazon купила маленькую компанию Kiva Systems за 775 миллионов долларов. Пресса назвала сделку дорогой прихотью интернет-магазина. Через тринадцать лет на складах Amazon работало более миллиона роботов — почти столько же, сколько людей, а производительность одного сотрудника выросла с 175 посылок в год в 2015-м до 3870 в 2024-м. Человек на том же складе стал в двадцать раз продуктивнее — потому что рядом с ним не стало больше людей. Рядом с ним стало больше машин.

Эта глава — о том, что происходит с миром, когда такие числа перестают быть исключением. И о самом неочевидном её сюжете: роботы уничтожают работу, но не потребление — и в этом разрыве спрятана центральная драма десятилетия.

Масштаб

К 2025 году мировой парк промышленных роботов превысил пять миллионов машин — вдвое больше, чем семь лет назад. За один только 2025 год заводы мира установили около 621 тысячи новых роботов — рекорд за десятилетие, рост на 15%. Десять лет назад годовые установки были втрое меньше. Кривая не выравнивается — она загибается вверх.

Лидер процесса — Китай. На него приходится 54% всех новых установок в мире, его парк превысил два миллиона машин, а плотность роботизации — 567 роботов на десять тысяч работников — выше среднемирового показателя втрое. Это уже не «Китай собирает дешёвые футболки». Это Китай автоматизирует себя быстрее всех, потому что понял раньше других: в мире, где машины делают работу, побеждает не тот, у кого дешевле руки, а тот, у кого больше станков.

Настоящая армия — на складах и в логистике. Amazon — только один игрок: миллион роботов на его складах, три четверти всех доставок проходят через автоматизированные системы. Рынок складских роботов растёт почти на 25% в год. И главное: бизнес не спрашивает разрешения у общественного мнения. Он считает деньги — и машины выигрывают счёт.

Механика замещения

Замещение труда машинами — процесс не новый. Он идёт двести лет, с тех самых пор, как луддиты ломали станки. Почему сейчас оно звучит иначе?

Потому что сломался барьер, который держал его двести лет: гибкость.

Робот классической эпохи умел одно: повторять одну операцию миллион раз. Он брал на себя конвейер — но не склад с десятками миллионами разных товаров, не ванную комнату, куда надо прийти с инструментом, не разговор с недовольным клиентом. Гибкость была последней крепостью человеческого труда, и за неё платили. Крепость пала, когда к робототехнике подключилось машинное обучение. Робот с камерой и нейросетью видит и понимает: Vulcan в Amazon достаёт предметы с полок разной глубины и формы, потому что научился, а не потому что запрограммирован. Стоило стать гибким — и цена гибкости начала падать тем же темпом, каким падала цена вычислений.

Отсюда точная механика: автоматизируется не профессия — автоматизируется задача. Кассир не исчезает в один день — исчезает задача провести стандартный платёж, и от профессии остаётся узкая кромка нестандартных случаев. Это делает процесс коварным: в статистике безработицы он не виден годами, потому что людей не увольняют — их не нанимают заново. Вакансия исчезает, когда человек уходит, и на её месте появляется сценарий, в котором штат меньший, машина тише, а прибыль та же.

Цифры перехода

Международный валютный фонд оценивает: влияние искусственного интеллекта уже затрагивает 40% рабочих мест мира, а в развитых экономиках — 60%. McKinsey прогнозирует, что к 2030 году 30% рабочих часов будет автоматизировано. Конференция ООН по торговле

и развитию оценивает мировой рынок ИИ к 2033 году в 4,8 триллиона долларов — размер экономики Германии.

Всемирный экономический форум даёт самую сбалансированную картину: к 2030 году мир создаст 170 миллионов новых рабочих мест и потеряет 92 миллиона. На первый взгляд — чистый прирост 78 миллионов, всё хорошо. Но в этой цифре спрятана ловушка.

«Исчезнут 92 миллиона и появятся 170 миллионов» — это не утешение, это переселение. Исчезающий миллион — это кассир, дальнобойщик, оператор колл-центра, клерк: люди со школьным и средним специальным образованием, разбросанные по всей территории страны. Появляющийся миллион — это специалисты по данным, робототехники, инженеры ИИ: люди с высшим техническим образованием, живущие в десятке городов на страну. Переселение из одной группы в другую физически невозможно: пятидесятилетнему водителю не стать специалистом по данным, и мир это знает. Арифметика «78 миллионов плюс» — это арифметика, в которой одни люди исчезают, а другие появляются, и между ними — пропасть, которую не заполняет никакая программа переподготовки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.